

ВОПРОСЫ НАУКОМЕТРИИ

АНДРЕЙ ВАЛЬТЕРОВИЧ ГРИНЁВ

доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: agrinev1960@mail.ru

20-летний юбилей Российского индекса научного цитирования: есть ли поводы для торжества?

УДК: 002:004.62

DOI: 10.24412/2079-0910-2025-3-120-144

Статья посвящена критическому анализу деятельности Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) в связи с его 20-летним юбилеем. Рассматриваются такие проблемы, как комплектация РИНЦ различными библиографическими материалами и учет в нем основных наукометрических показателей отечественных специалистов, включая количество зарегистрированных публикаций, число ссылок и значений индекса Хирша. Кроме того, анализируется ситуация с дополнительными метриками, представленными в РИНЦ, с опорой на использование данных авторского профиля. Делается вывод о том, что за прошедшее двадцатилетие РИНЦ сделал большой шаг вперед, собрав огромный массив библиографических материалов и внедрив десятки метрик и опций. Однако если обратиться к нему как к инструменту измерения публикационной динамики российских ученых и организаций, то тут возникает множество нареканий и критических замечаний. В статье содержатся конкретные рекомендации по преодолению выявленных недостатков, без чего РИНЦ не может претендовать на звание полноценной библиометрической базы данных.

Ключевые слова: библиометрические базы данных, *eLIBRARY.RU*, Российский индекс научного цитирования, наукометрия, наукометрические показатели.

Введение

В 2025 г. у Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) юбилей: 20 лет тому назад он был разработан на платформе Национальной электронной библиотеки (НЭБ) *eLIBRARY.RU*, которая в свою очередь была создана в 1999 г. по инициативе Российского фонда фундаментальных исследований для облегчения доступа российских ученых к ведущим иностранным научным изданиям. Сам же РИНЦ возник в 2005 г. по заказу Минобрнауки РФ и является общедоступным инструментом измерения публикационной активности журналов, ученых и организаций. Его наиболее известные зарубежные аналоги — это американская библиометрическая база данных (ББД) *Web of Science (WoS)* и европейская ББД *Scopus*. Первая из них принадлежит американской компании *Clarivate Analytics*, а вторая — нидерландской *Elsevier*. Обе базы выступают крупнейшими глобальными информационно-аналитическими платформами, и на их фоне РИНЦ, конечно, выглядит гораздо скромнее, поскольку сосредоточен в первую очередь на российском научно-информационном материале.

Надо сказать, что до сих пор отечественные специалисты уделяли недостаточно внимания анализу деятельности РИНЦ, о чем свидетельствует относительно незначительное число посвященных ему статей за прошедшие 20 лет его существования и отсутствие хотя бы одного специального монографического исследования или диссертации. По крайней мере, поиск последних в самом РИНЦ с помощью соответствующей программы¹ не дал обнадеживающих результатов. Между тем РИНЦ неплохо известен в СНГ, особенно в Белоруссии, а вот в дальнем зарубежье о нем узнают в основном благодаря единичным англоязычным статьям российских авторов [Mikhailov, 2013; Mazov et al., 2018; Moskaleva et al., 2018].

Максимальный интерес к РИНЦ, судя по приводимой в нем же библиографии, приходился на 2009–2016 гг. При этом ряд ученых оценивали РИНЦ достаточно снисходительно, несмотря на его явные недостатки и упущения, а некоторые специалисты полагали, что благодаря аналитическому инструментарию он имеет возможность «корректно оценить результаты деятельности всей вертикали социального института науки, начиная с отдельного ученого-автора и заканчивая страной в целом» [Арефьев и др., 2012; Михайлов, 2016; Молчанова и др. 2019, Вибе, Шилов, 2021]. С другой стороны, нашлось немало экспертов, которые упрекали РИНЦ за искажение и даже намеренную фальсификацию библиометрических данных [Каленов, Селоцкая, 2010; Кузнецов, 2014, Фоминых, 2015; Цветкова и др., 2018]. Мне также приходилось неоднократно выступать с критикой РИНЦ и, более того, посвятить этому отдельную статью на 15-летие этой ББД [Гринёв, 2020]. Теперь, спустя пять лет, можно еще раз обратиться к этой теме и рассмотреть ее под более широким углом.

Платформа *eLIBRARY.RU* и РИНЦ: общие характеристики

Начнем с кратких сведений о РИНЦ. Как известно, его показатели доступны на официальном сайте *eLIBRARY.RU*², где, в частности, сказано: «Российский ин-

¹ <https://elibrary.ru/querybox.asp?> (дата обращения: 14.06.2025).

² https://elibrary.ru/elibrary_about.asp (дата обращения: 14.06.2025).

декс научного цитирования (РИНЦ) — это национальная информационно-аналитическая система, аккумулирующая более 11 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6 000 российских журналов. Она предназначена не только для оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией, но является также и мощным инструментом, позволяющим осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций, ученых, уровень научных журналов и т. д.» Ниже в ходе более детального анализа мы попробуем проверить, представляет ли РИНЦ «мощный инструмент», позволяющий осуществлять заявленную деятельность.

Продолжу цитировать сайт *eLIBRARY.RU*, поскольку это фактически официальный электронный документ, открытая декларация, к которой мы будем периодически возвращаться. В ней сообщается о причинах учреждения РИНЦ, его параметрах, целях и задачах: «Основной целью запуска проекта была необходимость создания объективной системы оценки и анализа публикационной активности и цитируемости отечественных исследователей, организаций и изданий. Решение о создании национального индекса научного цитирования было обусловлено тем фактом, что лишь одна десятая от всех публикаций российских ученых попадает в международные базы данных научного цитирования, такие как *Web of Science* или *Scopus*. Кроме того, многие направления российской науки (например, общественно-гуманитарные, технические) там вообще практически не представлены». Последнее заявление, мягко говоря, выглядит весьма спорным и устаревшим, так как в настоящий момент в обеих международных ББД присутствуют сотни русскоязычных журналов и, следовательно, учитываются работы и цитирования отечественных ученых, в том числе гуманитариев. Как отмечают авторы недавно опубликованной в «Социологии науки и технологий» статьи, с 2013 по 2021 г. общее количество российских журналов, индексируемых в ББД *Scopus*, увеличилось в 3,3 раза [Тургель и др., 2024]. В 2022–2024 гг. в эту базу было включено еще около 75 научных журналов из России. Параллельно более 400 периодических изданий из РФ числится в ББД *WoS* на 2024 г.³ С учетом этих данных официальный сайт *eLIBRARY.RU* явно нуждается в коррекции.

Здесь следует уточнить, что проблема со слабой представленностью в *Web of Science* и *Scopus* работ российских ученых заключается не в зловредном умысле этих баз, а в способе отбора журналов и содержащихся в них статей. В отличие от РИНЦ, обе зарубежные ББД регистрируют только наиболее авторитетную академическую периодику согласно достаточно строгим критериям. Далеко не все отечественные журналы им соответствуют: для некоторых просто регулярно укладываться в календарные сроки выпуска очередного номера составляет немалую трудность. Помимо прочего, качество многих статей российских авторов (особенно гуманитариев) оставляет желать много лучшего. Могу привести десятки соответствующих примеров из области моей научной специализации, связанной с историей Русской Америки (см. об этом: [Гринёв, 2018b, 2022, 2023]). Об этом же свидетельствует крайне слабая цитируемость работ отечественных ученых, в чем можно убедиться, обратив-

³ <https://rassep.ru/o-proekte/listing/> (дата обращения: 14.06.2025).

шись к статистике, размещенной на сайте *eLIBRARY.RU* в разделе «Сравнение уровня публикаций российских ученых в базах данных *Web of Science*, *Scopus* и *RSCI*»⁴.

Но продолжим. Как и западные ББД, РИНЦ фиксирует прежде всего статьи из научных журналов, правда, преимущественно российских. Вместе с тем, как отмечается на сайте *eLIBRARY.RU*, «в последние годы в РИНЦ стали включаться также и другие типы научных публикаций: доклады на конференциях, монографии, учебные пособия, патенты, диссертации. База содержит сведения о выходных данных, авторах публикаций, местах их работы, ключевых словах и предметных областях, а также аннотации и пристатейные списки литературы». Эти аспекты более детально разберем ниже, а пока добавим еще несколько штрихов к портрету РИНЦ. Так, на сегодняшний день он располагает несколькими десятками самых разнообразных метрик, включая три основных: количество публикаций, их цитирование и индекс Хирша (*h-index*). Причем периодически наукометрический «арсенал» РИНЦ пополняют новые метрики и опции, позволяющие, например, проверить публикационную динамику журнала в инфографике. Кроме того, в последние годы были внедрены такие показатели, как процентиль по ядру РИНЦ, параметры журнала в так называемом Белом списке, его категория в Перечне ВАК и т. д. Таким образом, налицо явный прогресс РИНЦ и расширение его возможностей как полноценной библиометрической базы.

Помимо увеличения количества самых разнообразных метрик и опций, РИНЦ существенно повысил свои возможности за счет сотрудничества с зарубежными ББД, о чем сообщается на сайте *eLIBRARY.RU*: «РИНЦ имеет соглашения с компаниями *Clarivate Analytics* и *Elsevier*, позволяющие делать запросы непосредственно в базы данных *Web of Science* и *Scopus* и получать оттуда текущие значения показателей цитирования публикаций. Таким образом, в интерфейсе РИНЦ можно увидеть одновременно число цитирований публикации в РИНЦ, *Web of Science* и *Scopus*». Более того: «В 2010 году достигнута договоренность с крупнейшим международным издателем научной литературы компанией *Elsevier* об импорте сведений о публикациях российских авторов и ссылающихся на них работах из международного индекса цитирования *Scopus* с целью их совместного анализа при оценке публикационной активности и цитируемости российских ученых и научных организаций. Это позволило учесть не только публикации в российских журналах, индексируемых в РИНЦ, но и публикации российских ученых в зарубежных журналах. В 2015 году Научная электронная библиотека *eLIBRARY.RU* заключила договор с компанией *Thomson Reuters* (сейчас *Clarivate Analytics*) о размещении 1 000 лучших российских научных журналов из РИНЦ на платформе *Web of Science* в виде отдельной базы данных *Russian Science Citation Index*. Этот проект позволит значительно улучшить видимость и цитируемость российских журналов в международном информационном пространстве и будет способствовать повышению их качества за счет приведения их к международным стандартам. Журналы, отобранные в эту базу данных в результате тщательной экспертизы, составили также основу для выделения в РИНЦ ядра лучших публикаций российских ученых». В итоге, по мнению создателей сайта *eLIBRARY.RU*, «благодаря всем этим шагам РИНЦ на данный момент времени уже достаточно полно и объективно отражает публикационную активность большинства российских авторов и научных организаций».

⁴ https://elibrary.ru/wos_scopus_rsci.asp (дата обращения: 14.06.2025).

Насколько полно и объективно РИНЦ отражает публикационную активность отечественных ученых, мы вскоре убедимся на практике, но прежде чем приступить к этому, необходимо затронуть еще несколько общих аспектов темы, связанных в первую очередь с такой дисциплиной, как наукометрия.

Наукометрия и РИНЦ

Поскольку РИНЦ выступает ведущей наукометрической базой в РФ, следует сказать хотя бы пару слов о самой наукометрии и также об авторском подходе к анализируемому материалу. На мой взгляд, эта дисциплина состоит из двух разделов. Первый из них фактически совпадает с библиометрией, охватывая, правда, исключительно научные публикации. Этот сегмент наукометрии включает большие массивы статистической информации, которые позволяют просчитывать, например, импакт-фактор журнала за определенный период или динамику публикаций по той или иной тематике (например, сколько статей о народах Средней Азии было издано в журнале «Этнографическое обозрение» в 2000–2025 гг.). В таких случаях мы имеем дело с обезличенной наукометрической статистикой, как правило, достаточно выверенной и точной, если исходные цифры были верны и полны (в крайнем случае обычно срабатывает закон больших чисел). В этой ипостаси наукометрия вполне может претендовать на звание полноценной академической дисциплины.

С другой стороны, когда речь заходит о библиографических/наукометрических данных отдельного ученого или научного коллектива, то здесь нередко приходится сталкиваться с большими проблемами, порождаемыми человеческим фактором, когда в ход может идти цитатная коррупция, иметь место наукометрический паразитизм и другие подобные явления, которые способны исказить объективную картину реальных достижений ученого и научной организации, тем самым поставив под вопрос правомерность трактовки самой наукометрии как научной дисциплины. Дело усугубляет формализованность наукометрического подхода, недифференцированный учет коллективных и авторских работ, использование порой несовершенного инструментария (вроде все того же индекса Хирша) и т. д. [Bornmann, Marewski, 2024]. Кроме того, основная наукометрическая информация сосредоточена в различных базах данных, где имеются свои особенности и проблемы. Именно об этом пойдет речь применительно к РИНЦ.

Добавлю здесь, что, контактируя с РИНЦ уже более 10 лет, буду оценивать его с позиций рядового пользователя, периодически привлекая в качестве иллюстрации собственный статистический материал, помещенный в этой ББД. Такой субъективный подход не нов (см.: [Галеев, 2014; Грановский, 2015]) и обусловлен тем обстоятельством, что даже коллеги по работе неохотно делятся своими наукометрическими данными для анализа функционирования РИНЦ, которые к тому же зачастую неполны и неточны. Помимо прочего, имеет место динамика наукометрических показателей, на которую ученые не всегда обращают внимание, если не отслеживают регулярно свои параметры в РИНЦ. Мониторингом собственных данных в нем приходится поневоле заниматься, поскольку университетская администрация как минимум два раза в год требует отчета по публикациям, в том числе размещенным на платформе РИНЦ. Аналогичную информацию следует предоставлять во время периодически проходящих переаттестаций по продлению рабочего контракта, ко-

гда нужно подавать статистику индексированных в РИНЦ произведений за последние три года, укладываясь в определенные пороговые рамки.

Уточним, что официальный учет показателей РИНЦ был впервые введен в приказе Министерства образования и науки РФ от 14 октября 2009 г. за № 406. В типовой методике, помещенной в приложении к приказу, были обозначены критерии, по которым должна осуществляться отчетность научных учреждений, включая число публикаций работников организации в РИНЦ, отнесенное к численности исследователей за пять лет, а также цитируемость публикаций, показанную в РИНЦ за предшествующий год. Побочным негативным следствием этих нормативных требований стало формирование теневого рынка услуг различных фирм, специализирующихся на написании и публикации статей за плату вместо авторов с последующей регистрацией в РИНЦ. Например, в фирме «Мастерская публикаций» такая услуга обойдется в сумму от 2 000 руб., а вот за издание статьи в журнале ВАК придется выложить уже 12 000 руб. и более⁵. Соотношение цен косвенно свидетельствует о том, что в РИНЦ полно «мусорных» журналов невысокого качества, где легко пристроить бросовую статью, сочиненную вместо фиктивного автора. В РИНЦ пытаются бороться с подобными явлениями, и, например, в апреле 2017 г. 344 псевдонаучных журнала были исключены из списков этой базы [Котляр, 2017]. Но это не меняет общей безрадостной картины присутствия в РИНЦ немалого числа «мусорных» и «хищных» изданий. Последние существуют путем поборов с авторов за публикации статей (зачастую без должного рецензирования и с навязанными редакторскими услугами). К большому сожалению, в подобного «хищника» фактически превратился влиятельный еще в советские времена журнал «Вопросы истории», который за нарушение издательской этики был в июле 2018 г. исключен из списка RSCI, а затем в сентябре 2022 г. и из базы *Scopus* и тем не менее продолжает до сих пор состоять в РИНЦ. И хотя в нем имеется особая группа мониторинга качества комплектования библиографической базы, которая призвана осуществлять текущий контроль и реагировать на негативные сигналы об изданиях — нарушителях принципов академической и издательской этики, но, видимо, эта структура недостаточно эффективно справляется со своими задачами.

Проблемы РИНЦ как наукометрической базы: принцип комплектации

Приступая после вводного обзора к анализу Российского индекса научного цитирования как составной части *eLIBRARY.RU*, следует выделить три основных опции, которые обеспечивают:

- 1) доступ к библиографической информации и, частично, к полнотекстовым публикациям;
- 2) анализ научной библиометрической статистики (общее число выпусков журнала, среднее число статей в выпуске, импакт-фактор журнала и т. д.);
- 3) возможность проведения наукометрических расчетов по диагностированию публикационной активности ученых и организаций.

Здесь надо подчеркнуть ту огромную пользу, которую приносит РИНЦ благодаря допуску к полным текстам научных работ (преимущественно статей в формате

⁵ <https://mpublish.ru/> (дата обращения: 14.06.2025).

PDF), загруженных на платформу *eLIBRARY.RU*, а также ссылки на их электронные копии, размещенные на других сайтах Интернета, что экономит массу времени и сил исследователя. К сожалению, не все упомянутые на этой платформе научные труды доступны для скачивания, но даже простое знакомство с их метаданными бывает тоже в высшей степени полезно. Не менее положительно можно оценить возможность использовать приводимую в РИНЦ информацию, касающуюся списков номеров научных журналов, оглавления отдельных выпусков с перечнем статей, суммарного числа их цитирований и т. п. Однако если обратиться к РИНЦ как к библиометрической базе, сфокусировавшись на авторских профилях отечественных ученых, то тут возникает множество нареканий и критических замечаний. Остановимся подробнее на этом аспекте, так как это позволит разработать ряд рекомендаций, которые, хочется надеется, все же будут рано или поздно учтены.

Начнем с принципа отбора публикаций, загружаемых в РИНЦ. Теоретически здесь может быть три подхода: 1) учет только научных работ из ограниченного круга наиболее авторитетных академических журналов, сборников статей и монографий; 2) индексация вообще любых научных трудов; 3) регистрация не только строго научной, но и научно-популярной, учебно-методической, справочной литературы, программ для ЭВМ, патентов и т. п. Нетрудно догадаться, что первый подход характерен для ББД *WoS* и *Scopus*, а последний — для РИНЦ. Об этом прямо сказано в разделе «Размещение неперIODических изданий» на сайте *eLIBRARY.RU*: «Научная электронная библиотека предлагает авторам научных монографий, справочников, словарей, учебников, учебных пособий, авторефератов, диссертаций и патентов разместить свои произведения в Российском индексе научного цитирования». Правда, автор произведения не может сделать это самостоятельно и подобное размещение происходит обычно посредством организации, где он работает. Для этого она должна заключить соответствующий лицензионный договор с Научной электронной библиотекой — не следует забывать, что *eLIBRARY.RU* и РИНЦ принадлежат коммерческой компании ООО «НЭБ» с четырьмя учредителями и с многомиллионными ежегодными доходами⁶.

Полный каталог типов документов, которые учитывает Российский индекс научного цитирования, содержится в официальном «Регламенте комплектования баз данных *eLIBRARY.RU* и РИНЦ» (Приложение № 2). Тем не менее сам по себе расширенный принцип регистрации практически любых, в том числе ненаучных, произведений отечественных ученых представляется глубоко ошибочным. Ведь именно благодаря такому «вселенскому охвату» публикаций и выпускающих их изданий в РИНЦ нашло приют немало «мусорных» и «хищных» журналов и аналогичных сборников конференций. Неудивительно, что в свое время доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН Рашит Хантемиров без обиняков сравнил РИНЦ с «огромной помойкой» в статье с броским названием: «РИНЦ: от примитивного мошенничества до растления малолетних». По словам ученого, администрация РИНЦ поддерживает различные виды жульничества с показателями цитируемости отдельных «ученых» и импакт-фактором низкосортных журналов своей пассивной позицией, чем дискредитирует не только использование наукометриче-

⁶ <https://companies.rbc.ru/id/1037739270678-ooo-nauchnaya-elektronnaya-biblioteka/> (дата обращения: 14.06.2025).

ских показателей, но и саму научную деятельность в России [Хантемиров, 2014]. На это генеральный директор *eLIBRARY.RU* Геннадий Ерёмченко парировал: «Какая наука — такой и РИНЦ» [Ерёмченко, 2014]. С последним вряд ли можно согласиться. Ведь никто не лишил РИНЦ права на строгий отбор индексируемых материалов, как это делают *WoS* и *Scopus*.

От себя добавлю, что, работая в мае — июне 2024 г. над статьей о наукометрических показателях историков, числящихся в Российской академии наук [Гринёв, 2024], обнаружил, что РИНЦ индексирует в их авторских профилях публикации, которым там явно не место. Так, у академика В.А. Тишкова в перечень работ помещено поздравление с юбилеем А.В. Черных (2023) объемом в одну страницу, у академика Е.И. Пивовара зафиксировано приветственное слово «Уважаемые коллеги!» на двух страницах в сборнике по истории Москвы (2024) и т. д. Излишне говорить, что все подобные творения нельзя отнести к научным работам — они лишь засоряют авторские профили и механически способствуют валовому увеличению числа индексируемых публикаций конкретного ученого, тем самым искажая наукометрические показатели. Если и продолжать регистрировать в РИНЦ приветственные слова, поздравления и тому подобные материалы, то только в отдельном каталоге, не смешивая их с собственно научными работами.

Прибавлю здесь, что внесение ненаучных произведений в РИНЦ фактически противоречит названию этой базы данных: Российский индекс **научного** цитирования. Уже неоднократно приходилось указывать в предыдущих работах, что нельзя включать в перечень научных публикаций учебники и учебные пособия, словари и энциклопедии, библиографические списки, патенты и тому подобное. Абсолютно ясно, что учебники/пособия относятся не к научным, а к учебно-методическим изданиям, обычно воспроизводящим хорошо изученный материал, нередко с элементами компиляции. Правда, в Регламенте 2023 г. неоднократно подчеркивается, что в РИНЦ включаются только те произведения учебной литературы, которые содержательно и функционально предназначены для высшего профессионального и поствузовского дополнительного образования [Регламент, 2023, с. 6, 23–24]. Но это принципиально не меняет дела, а потому для учебников и пособий в рамках РИНЦ также следует создать специальный каталог.

Опять же, словари, энциклопедии, библиографические указатели — это не научная, а справочная литература. Патент представляет собой способ правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, это юридический документ, а не научная работа. В конце концов, существует официальный Государственный стандарт (ГОСТ Р 7.0.60–2020), где в пункте 3.2.3.4 сказано: «...академическое издание: Издание, содержащее научно выверенный текст произведения (произведений) и его различные варианты, тщательно подготовленное, снабженное большим научно-справочным аппаратом, в том числе обстоятельным комментарием». И далее пункт 3.2.8.2: «...научное издание: Издание, содержащее результаты теоретических и/или экспериментальных исследований, а также научно подготовленные к публикации памятники культуры и исторические документы». Наконец, в разделе 3.2.10 «Виды непериодических изданий по характеру информации» дан перечень научных произведений: монографии, сборники научных трудов, материалы конференций (симпозиумов, съездов), препринты, тезисы докладов/сообщений научной конференции (съезда, симпозиума), авторефераты диссертаций. К периодическим научным изданиям относятся в первую очередь научные журналы, и в разделе 3.2.15.7

дана соответствующая характеристика: «Журнал, содержащий статьи и материалы о теоретических исследованиях, а также статьи и материалы прикладного характера, предназначенные для научных работников».

Совершенно очевидно, что РИНЦ следовало бы ориентироваться прежде всего именно на эти виды печатной и электронной научной продукции (многие журналы и сборники докладов, прочитанных на конференциях, сейчас выходят исключительно в цифровом формате). Вместе с тем представляется очевидной необходимость исключения из индексирования тезисов докладов/сообщений научных конференций, изданных в виде сборников, так как они обычно носят предварительный характер, не имеют справочно-библиографического аппарата, а потому проверить подлинность приводимой в них информации бывает весьма проблематично. Препринты тоже не стоит размещать в ББД, поскольку они представляют собой предварительные версии будущих статей для ознакомления специалистов и не являются официально опубликованными произведениями. А вот что следует добавить в перечень научных трудов, годных для регистрации в ББД, но не упомянутых в ГОСТ, так это диссертации (а не только авторефераты) и развернутые рецензии на монографии и сборники статей. Дело в том, что диссертации сейчас в обязательном виде публикуются в открытом доступе в Интернете, причем они создаются по определенным строгим стандартам, имеют развернутый справочно-библиографический аппарат, а в своих материалах в обязательном порядке содержат научную новизну. Другими словами, это полноценное академическое произведение, на которое делают ссылки в журнальных статьях и монографиях. Впрочем, ради справедливости надо отметить, что РИНЦ индексирует в авторских профилях и сами диссертации, и их цитирование.

Что касается рецензий, то тут несколько сложнее. Рецензии бывают краткими, справочными, совсем небольшого объема, которые содержат общие сведения о рецензируемой работе с общими выводами. С другой стороны, существуют развернутые подробные рецензии на нескольких страницах, объемом до 0,5 а. л. (как небольшие статьи), снабженные справочно-библиографическим аппаратом. Совершенно логично включать последнюю разновидность рецензий в авторские профили, что практикуют РИНЦ и ББД *WoS*.

Возвращаясь к принципу комплектования РИНЦ, когда в нем учитывается едва ли не все, что издают отечественные ученые, этой базе данных следовало бы ориентироваться не столько на импорт сведений о публикациях российских авторов и цитировании их работ из ББД *Scopus* (по соглашению от 2010 г. — см. выше), сколько на всемирный поисковик *GoogleScholar* (*GS*). Ведь он, как и РИНЦ, не ставит искусственных ограничений на регистрацию научных произведений, в отличие от *Scopus*. При этом следует относиться очень внимательно к тем данным, которые выкладывает *GS*, так как эта всемирная поисковая система иногда допускает досадные сбои в своей работе, внося в авторские профили ученых работы однофамильцев или статьи в английском переводе, которых реально не было.

Заканчивая сюжет с комплектованием библиографической базы РИНЦ, можно порекомендовать его представителям следующее. Если им так дороги учебники, учебные пособия, словари, патенты и тому подобное, то они, полагаю, вполне в состоянии создать для каждой из этих категорий отдельные каталоги и демонстрировать их данные в авторских профилях наряду с собственно научными трудами, не смешивая их друг с другом. Разумеется, научные издания должны иметь несомнен-

ный приоритет в прямом соответствии с главной функцией РИНЦ как инструмента измерения научной активности ученых и организаций.

Проблемы РИНЦ как наукометрической базы: учет количества публикаций отечественных специалистов

Порочный принцип регистрации ненаучных произведений, используемый РИНЦ, имеет неизбежным следствием искажение важнейшего наукометрического показателя — количества опубликованных ученым работ, которое обычно выступает мерилем его академической продуктивности. Естественно, что в случае фиксации в авторском профиле учебников, словарей, программ для ЭВМ и тому подобного общее число его индексированных в ББД трудов будет неоправданно завышено. С другой стороны, РИНЦ порой избегает регистрации даже строго научных произведений. Воспользуюсь собственной статистикой за прошедший 2024 г. Так, в авторском профиле за этот год упомянуто всего 6 научных работ, а реально их вышло 10. Или, может быть, это простое единичное недоразумение? Отнюдь. В 2023 г. было опубликовано 9 работ (включая рецензию), а в РИНЦ за этот год их зафиксировано только 6. И так далее. В итоге к началу февраля 2025 г. в моем авторском профиле в РИНЦ числилось 237 публикаций, а на самом деле их 332 (из них научных работ всех типов 314). Налицо довольно существенное расхождение в цифрах. Аналогичная картина наблюдается и у других ученых, например, у академика В.С. Мясникова в его авторском профиле в РИНЦ указано всего 125 работ, а, согласно его персональной странице в Википедии, таковых около 500. Вдобавок, как уже говорилось ранее, у авторов нет возможности самостоятельно вносить свои работы в Российский индекс научного цитирования, а потому выправить ситуацию без изменения порядка регистрации публикаций в РИНЦ не представляется возможным.

Вообще эта библиометрическая база не устает удивлять своими манипуляциями с публикационной статистикой. Так, в начале февраля 2025 г. случайно обнаружил, что РИНЦ по какой-то очередной прихоти удалил две мои статьи (из пяти), изданные в «Вестнике Российской академии наук». Одновременно исчезли три англоязычных перевода этих статей, опубликованные в *Herald of the Russian Academy of Sciences* (издательство *Springer*). Причем среди исключенных статей фигурирует хорошо цитируемая работа — «Использование наукометрических показателей при оценке публикационной активности в современной России» [Грунёв, 2019] и ее английский вариант, которые собрали, согласно данным *GoogleScholar*, соответственно 32 и 46 ссылок на июнь 2025 г.

Здесь следует особо отметить, что целесообразно индексировать отдельно статьи, вышедшие на русском языке, и их английские переводы для зарубежного читателя, поскольку они имеют разную научную аудиторию, индивидуальные цифровые идентификаторы объекта (*англ.* digital object identifier — DOI), два разных международных стандартных сериальных номера (например, ISSN 0869-5873 и ISSN 1019-3316 для двух версий журнала «Вестник Российской академии наук» / *Herald of the Russian Academy of Sciences*) и разные источники цитирований. Это же касается монографий, имеющих перевод на иностранные языки. Но РИНЦ пока пренебрегает этими очевидными фактами.

Возвращаясь к проблеме неполного учета работ ученых в РИНЦ, надо сказать, что он все же не всегда занижает число публикаций в авторских профилях, а иногда, наоборот, добавляет лишние. Например, у академика-историка В.В. Алексеева в авторском списке РИНЦ присутствуют три не принадлежащие ему статьи однофамильца, увидевшие свет в журнале «Сахарная свекла» в 1996–2000 гг.⁷ РИНЦ не обошел вниманием и мой авторский профиль, включив в него пару некорректно проиндексированных работ, вероятно, в качестве компенсации за удаление статей, изданных в «Вестнике РАН». Первая из добавленных РИНЦ статей имеет почему-то неоконченный заголовок: «Использование наукометрических показателей при оценке публикационной активности в современной» и вышла она якобы в журнале «Экология и промышленность России» (2019. Т. 89. № 10). Вторая же статья называется «Глобальные проблемы современности и угрозы национальной безопасности России» (Клио. 2022. № 3). Обе они поступили из списков цитируемой литературы, однако проверить реальность этих публикаций РИНЦ, очевидно, посчитал совершенно излишним. На самом деле у меня никогда не было ни одной статьи, напечатанной в журнале «Экология и промышленность России», а название несуществующей статьи просто повторяет заголовок удаленной работы, опубликованной в «Вестнике РАН» (2019); вторая же статья действительно выходила в журнале «Клио», но в 2010 г., а не в 2022-м. Остается с сожалением констатировать, что даже спустя 20 лет после своего возникновения РИНЦ не в состоянии преодолеть те недостатки, за которые его критиковали специалисты еще в 2010 г. [Каленов, Селюцкая, 2010].

Впрочем, казусы с убавлением или прибавлением работ в авторских профилях РИНЦ кажутся совершенно незначительными на фоне проблемы соавторства. Дело в том, что во всех ББД нет дифференциации произведений, созданных самим ученым, и тех, что написаны им совместно с коллегами. При этом число соавторов отдельной работы может быть неограниченным — десятки, сотни, а порой тысячи (рекорд поставлен в 2021 г. и составил более 15 тыс. человек [Ефимова, 2022]). Естественно, что подобное фиктивное соавторство необоснованно увеличивает количество публикаций, зафиксированных в профиле ученого в той или иной ББД, включая РИНЦ. Причем существует общемировая тенденция увеличения соавторства за последние десятилетия, что порождает вопросы, связанные с научной этикой, и вызывает озабоченность у зарубежных специалистов [Jacob et al., 2024]. Даже если авторов научной работы всего двое, это может вовсе не означать, что каждый из них написал по 50% текста совместного произведения. В реальной жизни нередко один из них пишет большую часть (до 80–90%, а иногда и более), а второй — пропорционально меньшую, и авторский паритет явно нарушается. Тем не менее в любой ББД они будут считаться равноправными авторами зарегистрированной публикации.

На практике такой порядок создает очень большие проблемы при оценке реальных научных достижений специалистов. Так, в ходе работы над уже упомянутой статьей о наукометрических результатах отечественных академиков, состоящих в Секции истории Отделения историко-филологических наук, пришлось частично отказаться от анализа научной результативности археологов ввиду их участия во

⁷ https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=72244&titleid=9081 (дата обращения: 14.06.2025).

множестве совместных публикаций с огромным количеством соавторов [Гринёв, 2024]. Бесспорным чемпионом в этом плане выступает академик А.П. Деревянко — у него, по данным РИНЦ, числится 1 495 соавторов на июнь 2024 г., а в начале февраля 2025 г. их количество возросло до 1 544⁸. У академика А.П. Бужиловой в ее двух статьях в авторитетном общенаучном журнале *Nature* за 2023 и 2024 гг., индексированных в БД *Scopus*, присутствуют соответственно 125 и 163 соавтора⁹. Каким же образом можно оценить ее личный вклад в написание этих работ?

К чему приводит учет коллективных трудов в авторских профилях, хорошо видно на следующем примере: мой однофамилец с Украины, академик-материаловед, благодаря массовому соавторству имеет совершенно фантастические показатели в БД *Scopus*, которые не снились иным Нобелевским лауреатам. На июнь 2025 г. у него числится 1 419 зарегистрированных публикаций, 89 399 ссылок, а *h-index* = 126¹⁰.

Сложившаяся дефективная традиция регистрации коллективных трудов в авторских профилях не только не позволяет составить объективное представление о реальных научных достижениях ученого и искажает наукометрическую статистику, но и может приводить к так называемому наукометрическому паразитизму. Этим термином обозначаю ситуацию, когда в состав авторского коллектива вводятся лица, не имеющие никакого отношения к созданию конкретной научной работы. Специалисты по наукометрии уже указывали на это явление, отмечая, что в России включение фамилии руководителей в разряд соавторов при отсутствии фактического вклада в научное исследование является широко распространенной практикой [Гуреев и др., 2019]. Иногда такое происходит в принудительном порядке, причем начальник может даже поставить свою фамилию в списке авторов на первое место. Правда, нередко соавторы добровольно вносят его имя в подобный список с целью получения каких-либо преференций или же для того, чтобы при его помощи (если это титулованный ученый) было бы легче протолкнуть статью для публикации в престижном журнале.

Можно обозначить еще одну разновидность наукометрического паразитизма, когда члены авторского коллектива договариваются о попеременном написании научных статей с последующим включением коллег в качестве соавторов. Получается своего рода публикационная «карусель», в результате которой каждый из ее участников в итоге пропорционально увеличивает количество работ, индексированных в его авторском профиле (подобные махинации легко поддаются опознанию в случае, если представители авторского коллектива принадлежат к совершенно разным научным дисциплинам). Остается добавить, что именно последняя разновидность наукометрического паразитизма нередко имеет следствием так называемую цитатную коррупцию, о чем пойдет речь в следующем разделе.

Сказанное вовсе не означает, что коллективные труды не следует учитывать в библиометрических базах данных и в авторских профилях ученых. Нет, они должны обязательно индексироваться, но только в виде отдельного списка или каталога.

⁸ https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=71339 (дата обращения: 14.06.2025).

⁹ <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=6602638489> (дата обращения: 14.06.2025).

¹⁰ <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=6701662112> (дата обращения: 14.06.2025).

Сопоставление его содержания со списком личных работ автора может предоставить пищу для определенных размышлений. Само собой разумеется, что приоритет должен отдаваться индивидуальным, а не коллективным трудам.

Количество научных публикаций — это фундаментальная величина, которая, как правило, лежит в основе большинства наукометрических расчетов. Естественно, что в случае если она некорректна, все дальнейшие вычисления будут ошибочными. Причем безразлично, насколько сложные математические формулы и модели при этом будут использованы, потому как вступает в силу непреложный закон информетрии (и математики), известный по английской аббревиатуре GIGO (*garbage in, garbage out*): «мусор на входе — мусор на выходе». Этот закон гласит, что при неверных входящих данных будут получены неверные результаты, даже если сам по себе алгоритм решения задачи будет правильным. Поскольку РИНЦ далеко не всегда может обеспечить достоверные цифры количества научных публикаций ученого, то нетрудно сделать соответствующие выводы.

Проблемы РИНЦ как наукометрической базы: учет количества ссылок и индекс Хирша

Количество цитирований научных произведений представляет собой второй основной наукометрический показатель, и с этим у РИНЦ обстоит примерно так же, как и с подсчетом публикаций, откуда они заимствованы. Совершенно понятно, что если те или иные труды ученого не были проиндексированы, то и ссылки на них не будут официально учтены, что снизит их итоговую сумму в авторском профиле. Но бывает наоборот, когда РИНЦ прибавляет необоснованные цитирования. Так, в моем авторском профиле время от времени возникают ссылки, взятые из библиографических перечней работ по американистике, регулярно публикуемые в альманахе «Американский ежегодник». Индексация таких ссылок совершенно не оправдана, ибо их источники — библиографические перечни — не являются научными публикациями. Однако РИНЦ не торопится признать это очевидное упущение и удалить соответствующие ссылки, исправив итоговые цифры цитирования конкретных работ.

Справедливости ради надо сказать, что формально РИНЦ стремится все-таки ввести некоторые ограничения, касающиеся ссылок. На его сайте об этом сказано следующее: «При расчете показателей в РИНЦ не учитываются цитирования из реферативных и научно-популярных журналов, словарей, справочников, методических указаний, авторефератов диссертаций, ненаучных публикаций в журналах (аннотации, персоналии, разное и т. д.), а также из журналов и сборников, исключенных из РИНЦ». Сам этот перечень выглядит неполно и частично противоречит ГОСТ (см. выше), где среди научных произведений упомянуты авторефераты диссертаций, а в самом РИНЦ среди материалов, которыми он комплектуется, упомянуты методические указания [*Регламент*, 2023, с. 46]. Получается, что регистрировать те или иные виды публикационной продукции можно, а цитирования из них учитывать не положено.

Отдельная большая тема, связанная с опять же с цитированием, — это учет ссылок коллективных трудов в РИНЦ (как и в других ББД). Например, опубликованная в 2024 г. монография «Иностранные языки в высшей школе: вызовы и перспек-

тивы»¹¹, в написании которой приняли участие сотрудники нашего подразделения СПбПУ, индексируется в РИНЦ как единая работа без разбивки на отдельные главы со своими авторами, а потому цитирование любой из этих глав будет автоматически добавляться в авторские профили всех участников создания этого совместного произведения. В результате может получиться, что какие-то главы будут иметь многочисленные цитирования, а другие останутся вовсе без них, но это никак не повлияет на распределение ссылок в авторских профилях. Абсурдность такого порядка достаточно очевидна, однако РИНЦ не желает менять порочную практику регистрации цитирований коллективных монографий.

Аналогичным образом обстоит дело и с учетом цитирований коллективных статей: каждый автор подобной работы получает в свой авторский профиль все ссылки на нее, даже если его личный вклад в ее написание равен нулю. Помимо нарушения элементарной справедливости это приводит к искусственному завышению общего числа ссылок (как и в случае с коллективными монографиями). Кроме того, такой порядок их учета нередко имеет следствием так называемую цитатную коррупцию, когда коллеги договариваются о ссылках на работы друг друга без реальной необходимости, причем иногда на этой почве возникают настоящие «картели цитирований» [Иванов, Петров, 2016; Трубникова, 2022]. Но в РИНЦ смотрят сквозь пальцы и на эту проблему.

Отдельный вопрос связан с регистрацией ссылок из переводных версий статей, о чем говорилось в одной из посвященных РИНЦ работ, изданных еще в 2012 г.: «Если журнал имеет переводную английскую версию, учитывается суммарное количество цитирований оригинальной русскоязычной и переводной версий. В случае цитирования из российского журнала, имеющего переводную версию на английском языке, которая также представлена в РИНЦ, засчитывается только ссылка из оригинальной статьи на русском языке. Это позволяет избежать дублирования ссылок из оригинальной статьи и ее переводной версии» [Арефьев и др., 2012]. Выше уже упоминалось о том, что было бы правильно индексировать в РИНЦ отдельно обе версии статьи (русско- и англоязычную) и, соответственно, отдельно индексировать ссылки на них.

Еще один сюжет, относящийся к вопросу цитирования, связан с импортом ссылок из зарубежных публикаций. Здесь у РИНЦ тоже не все в порядке. Приведу конкретный пример: моя статья, вышедшая в 1993 г. в американском журнале *Arctic Anthropology*, имеет на июнь 2025 г. в РИНЦ всего 4 ссылки, а в *Web of Science* — 13, то есть в 3 раза больше¹². Поэтому заявление на сайте *eLIBRARY.RU* о том, что «в интерфейсе РИНЦ можно увидеть одновременно число цитирований публикации в РИНЦ, *Web of Science* и *Scopus*», выглядит совершенно неубедительно.

Надо иметь в виду, что соглашение с компанией *Elsevier* (о чем говорится на официальном сайте *eLIBRARY.RU*) обеспечивает только ссылки из академических работ, индексируемых в *Scopus*, а не вообще все ссылки на работы российских авторов в зарубежной научной литературе. Здесь мы наблюдаем результат диссонанса между комплектацией библиографической базы РИНЦ и *Scopus* с естественным занижением общего числа извлеченных цитирований из зарубеж-

¹¹ <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67775596> (дата обращения: 14.06.2025).

¹² <https://www.webofscience.com/wos/author/record/A-9772-2016> (дата обращения: 14.06.2025).

ных журналов. Можно повторить, что исходя из принципа регистрации научных работ для РИНЦ рациональнее было бы ориентироваться не на *Scopus*, а на *GoogleScholar* с проверочной фильтрацией полученных оттуда сведений о цитировании отечественных специалистов. Здесь уместно добавить, что *GS* наиболее оперативно и полно учитывает ссылки: в сравнении с ним средняя задержка индексации в *Scopus* составляет около двух месяцев. Специально проведенное исследование зарубежных специалистов показало, что данные по цитированиям в *GS* по существу представляют собой расширенный набор показателей *WoS* и *Scopus* с большим дополнительным охватом во всех областях науки [Martín-Martín, 2018]. Например, моя монография, вышедшая в США в 2005 г., имеет в *GS* 93 ссылки, около 30 в *Scopus*, а в РИНЦ их только 22. И все же не следует преувеличивать возможности *GS* по учету цитирований. Так, зарегистрированное в РИНЦ пособие для магистров-гуманитариев «Основы наукометрии» (2021) имеет одну ссылку, но в *GoogleScholar* она отсутствует.

Заканчивая обзор ситуации с индексацией цитирований в РИНЦ, необходимо отметить еще один парадоксальный момент: расхождение, и порой весьма существенное, между числом ссылок во «внешнем» или входящем авторском профиле (где указывается количество публикаций, их цитирование и *h-index*) и количеством цитирований, если его открыть и получить доступ к более подробной наукометрической информации. Так, у ранее упомянутого академика В.С. Мясникова на июнь 2025 г. во «внешнем» авторском профиле показано 1 764 ссылки на его работы, а во «внутреннем» таковых всего 1 175 — куда девались остальные? Причем в разделе «Анализ публикационной активности автора» в авторском профиле академика указана именно первая цифра: «число цитирований из публикаций, входящих в РИНЦ, — 1 764»¹³. Автору данной статьи также не удалось избежать «двойной бухгалтерии» РИНЦ: во «внешнем» профиле указана цифра цитирований из публикаций, входящих в РИНЦ, — 1 127, а учтено во внутреннем профиле всего 1 043. Очевидно, речь в последнем случае идет о так называемых привязанных ссылках (см. SCIENCE INDEX* [организация]. Интерфейс для представителя организации), но тогда РИНЦ надо давать соответствующее пояснение прямо в авторском профиле, чего администрация сайта до сих пор никогда не делала, как и вообще не информировала о любых изменениях в авторском профиле.

Количество цитирований и число публикаций служат математической основой для еще одного основного показателя научной результативности ученого — индекса Хирша [Hirsch, 2005]. Он фигурирует во всех БД, включая, разумеется, и РИНЦ. Несмотря на многочисленные недостатки этого индекса [Полянин, 2014], отказа от него так и не происходит, очевидно, благодаря простоте вычисления, высокой устойчивости от появления статистических «выбросов» и соблюдения определенного баланса между учетом объемов и качеством научной продукции [Клемент, Мостерд, 2014; Esparza et al., 2024].

Будучи прямым производным от двух других основных наукометрических показателей, индекс Хирша при их некорректных значениях будет автоматически иметь неверную величину в соответствии с «законом GIGO», с чем и приходится постоянно сталкиваться в РИНЦ. Это происходит естественным образом, в частности из-за реального или фиктивного соавторства, которое завывает количество публикаций

¹³ https://elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=72362 (дата обращения: 14.06.2025).

в авторском профиле конкретного ученого, сопровождаемая обычно параллельным ростом цитирований, поскольку совместные труды цитируются соавторами гораздо чаще, чем принадлежавшие одному специалисту. Все это прямо или косвенно может способствовать неправомерному возрастанию индекса Хирша, особенно в случае цитатной коррупции.

Однако помимо ошибочных расчетов, РИНЦ иногда вносит дополнительную лепту в искажение величины этого индекса. Так, в 2014–2015 и 2020 гг. *h*-index уменьшался на единицу в моем авторском профиле, хотя такого не должно происходить в принципе, поскольку он может быть или стабильным, если нет достаточного числа цитирований, или расти. На недоуменный запрос сотрудники РИНЦ отвечали, что индекс Хирша у них вычисляется автоматически. Видимо, автоматика у них по неизвестной причине временно удалила одну из высокоцитируемых работ. Подобное, как сказано выше, произошло позднее с двумя моими статьями, изданными в 2019 г. в «Вестнике РАН», и переводной версии этого журнала, в результате чего индекс Хирша оказался занижен на две единицы. Аналогичные последствия имеет элементарный недоучет количества ссылок. Так, моя статья о нечистоплотном бизнесе, связанном с наукометрическими показателями [Гринёв, 2018а], имеет во внутреннем авторском профиле 13 ссылок, а если открыть их перечень, то их окажется 15.

Подводя промежуточные итоги анализа комплектации РИНЦ различного типа документами, индексации основных наукометрических показателей и их использования на практике, можно сделать неутешительный вывод о том, что нашей главной библиометрической базе предстоит немало потрудиться, чтобы ликвидировать наиболее существенные недостатки и упущения. В свете сказанного заявление на официальном сайте *eLIBRARY.RU* о том, что платформа РИНЦ является мощным инструментом, позволяющим осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности ученых, явно не соответствует действительности. А поскольку на основе зарегистрированных в авторских профилях работ представителей различных научных коллективов и организаций выстраивается их обобщенная статистика, то легко понять, что она тоже искажена и не отражает должным образом истинного положения дел. Об этом в свое время уже писали некоторые эксперты [Анищенко, 2017].

Проблемы РИНЦ как наукометрической базы: ситуация с дополнительными метриками

Помимо трех основных наукометрических показателей РИНЦ располагает еще множеством дополнительных индикаторов и метрик. В авторском профиле ученого они сосредоточены в отдельном структурном подразделении под заголовком «Анализ публикационной активности автора», который включает такие рубрики, как «Место работы», «Участие в редколлегии научных журналов», «Участие в рецензировании научных журналов», «Общие показатели» и «Статистические отчеты». В них дана очень полезная информация, конечно, при условии, что она достоверна. А с этим у РИНЦ большие проблемы. Возьмем первую рубрику «Место работы», которая помогает понять географию мест работы специалиста в различных организациях с соответствующей хронологией и проследить его нынешнюю аффилиацию.

Но этим вроде бы простым данным не следует слепо доверять. Так, в 2023 г. в моем авторском профиле среди мест работы указывался Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (2007), Санкт-Петербургский государственный университет (2014) и даже итальянский университет в Турине (2011). Но мне никогда не доводилось переступать порог петербургского медицинского вуза, в СПбГУ удалось поработать почасовиком только в 1995 г., а в Турине и вообще в Италии я, увы, не бывал ни разу. В январе 2025 г. сотрудники РИНЦ, видимо, после уточнения данных, лишили меня места в Туринском университете и медицинском вузе, зато добавили иное место работы: Коми республиканская академия государственной службы и управления (Сыктывкар), указав дату — 2023 г. Однако ни в этом году, ни ранее мне не приходилось посещать Сыктывкар. Откуда представители РИНЦ набирают подобную информацию, остается только гадать. В конце концов они могли бы воспользоваться моей персональной страничкой в Википедии, где правильно даны все локации профессиональной деятельности. И вообще было бы правильно предоставить авторам самим заполнять этот подраздел, а не делегировать эту возможность РИНЦ.

Ряд других дополнительных метрик в остальных рубриках также не лишен множества изъянов (полагаю, что у многих коллег наблюдается сходная картина). Например, число моих соавторов в РИНЦ значительно преувеличено — 35, а в реальности их всего 17 (включая трех, участвовавших в публикации сборников документов); согласно РИНЦ, число статей в зарубежных журналах у меня 50, а на самом деле их 67 (без учета четырех статей, опубликованных в *Herald of the Russian Academy of Sciences*); РИНЦ показывает в рубрике «рецензент» цифру 4, а если пройти по гиперссылке, то указаны библиографические данные всего трех моих рецензий, хотя в действительности их было опубликовано 22. Неудивительно, что подобная статистика рождает большое недоверие к цифрам, приводимым в РИНЦ.

И далее в разделе авторского профиля под заголовком «Статистические отчеты» тоже не все благополучно. Так, в отчете «Распределение публикаций по тематике» РИНЦ почему-то среди прочих указал такие темы, как «Охрана окружающей среды. Экология человека» и «Полиграфия. Репрография. Фотокинетехника». Но у меня нет специальных работ по этим темам, о чем свидетельствуют статьи, помещенные самим РИНЦ: по первой теме упомянута несуществующая статья в журнале «Экология и промышленность России», а по второй — статья «Российскому индексу научного цитирования 15 лет: опыт личного общения», где нет ни слова о полиграфии или фотокинетехнике.

Материал в других отчетах вызывает новые нарекания. Например, в отчете «Распределение публикаций по организациям» указан Дальневосточный юридический институт МВД РФ им. И.Ф. Шилова, где у меня якобы вышли две статьи. На самом деле до знакомства с отчетом РИНЦ я даже не подозревал о существовании этого заведения. Что касается «опубликованных» там статей, то, пройдя по соответствующей гиперссылке, мы выясняем, что это две статьи, вышедшие в 2020 и 2022 гг. в петербургском журнале «Клио», не имеющем никакого отношения к Дальнему Востоку.

Но особенно несуразно РИНЦ проявил себя в отчете «Распределение цитирований по соавторам цитируемых публикаций», где дело доходит до анекдотических деталей: больше всего цитирований, оказывается, у меня с самим собой — 1 130 на июнь 2025 г. Однако этой нелепости РИНЦ показалось мало, и он добавил мне в

соавторы, перечисляю далее по его списку: Гринева А. (35 процитированных работ), просто Гринева (3), Гринева А.В. (2), Гринава (2), Грингва А.В. (2), Гревнева А.В. (1), Грилева А.В. (1), Гринава А. (1), Гринава А.В. (1), Гринеева А.В. (1) и Гринева А.С. О (даже так!) (1) + Андрей В. (1). Трудно понять, как можно исказить простую короткую фамилию, но РИНЦ с этим успешно справился, добавив мне немало дополнительных «соавторов».

Более того, в анализируемом списке отчета присутствуют совсем таинственные соавторы, такие как «Дневник С.О.» (3), «Пет А.Ю.» (1) и «Развитие А.В.» (1). Попробуем все же выяснить о ком идет речь. Если кликнуть на «Дневник С.О.», то откроются три ссылки на статью, причем первая из них содержит неверный источник публикации, а две других в этом плане совершенно корректны: Гринев А.В. Дневник С.О. Макарова о его пребывании в Русской Америке (Клио. 2012. № 2. С. 3–8). В свою очередь, «Пет А.Ю.» — это, вероятно, А.Ю. Петров, упомянутый среди составителей сборника документов; воспроизвожу запись РИНЦ: «Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841. 2005. Т. 4 / Ред. Н.Н. Болховитинов, А.В. Гринёв, А.Ю. Петров, Т.С. Федорова. М.: Наука. 456 с.» Наконец, загадочный соавтор «Развитие А.В.» открывается в РИНЦ как «А.В. Развитие России и теория цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 11. С. 102–110». Поскольку РИНЦ почему-то в данном случае решил убрать мою фамилию перед инициалами, то и получился соавтор «Развитие А.В.». Причины появления плеяды столь экзотических соавторов кроются, вероятно, в систематических алгоритмических ошибках и программных сбоях, до сих пор присущих РИНЦ. Полагаю, что после этого дополнительные комментарии по поводу качества индексации совершенно излишни и продолжать анализировать дополнительные метрики этой базы вряд ли целесообразно.

В свете прозвучавшей критики может сложиться впечатление о полной непригодности Российского индекса научного цитирования для наукометрических вычислений и анализа публикационной активности отечественных специалистов. И все же попробуем хотя бы немного реабилитировать РИНЦ. Конечно, надо иметь в виду, что цифры основных показателей, приводимые в нем, зачастую довольно условны, но среди его дополнительных метрик можно выделить несколько вполне пригодных для наукометрических подсчетов и исследований. Среди них достаточно надежными выступают такие показатели, как число публикаций, входящих в ядро РИНЦ, и индекс Хирша по ядру РИНЦ. Напомню, что туда отбирается наиболее авторитетная периодика, индексируемая в БД *Web of Science Core Collection*, *Scopus* и *RSCI*. Как отмечается в одной из недавних работ, именно индекс Хирша по ядру РИНЦ может служить для введения специального показателя, обозначенного «индексом качества публикационной активности, который для индивидуального исследователя равен отношению индекса Хирша по РИНЦ в целом к индексу Хирша, рассчитанному по ядру РИНЦ» [Агапкин и др., 2024].

К относительно робастным дополнительным метрикам можно добавить еще одну, появившуюся относительно недавно, — процентиль по ядру РИНЦ. Эта метрика отражает место в рейтинге, где все авторы определенного научного направления разбиты на 100 равных групп. Первый процентиль соответствует одному проценту авторов с самыми высокими показателями. То есть чем меньше процентиль, тем выше рейтинг ученого в его научном направлении, и наоборот. Это динамичный показатель, и он может меняться с течением времени.

Помимо трех указанных дополнительных метрик РИНЦ, стоит, пожалуй, использовать такие, хотя и менее надежные, как число статей в зарубежных журналах и число цитирований из зарубежных журналов, если ставить задачу охарактеризовать публикационную активность и результативность отечественного автора на международной арене. Правда, тут имеются некоторые нюансы, связанные с географией и престижностью иностранной периодики, которые необходимо учитывать. То же самое касается монографий и сборников статей, изданных в других странах.

В целом сами по себе дополнительные метрики РИНЦ представляются весьма ценным инструментом для наукометрического анализа, но их прикладная функция крайне затруднена неполнотой и некорректностью исходного библиографического и цифрового материала (разве что у молодых специалистов с этим может быть все в порядке из-за незначительного числа зарегистрированных работ). В этом плане РИНЦ предстоит титаническая работа, если он, конечно, поставит себе цель прерватиться в базу надежных наукометрических данных.

Выводы

Подводя общие итоги, можно вернуться к вопросу, вынесенному в заголовок статьи в связи с 20-летним юбилеем РИНЦ: есть ли поводы для торжества? Ответ будет таков: и да, и нет. С одной стороны, за прошедшее двадцатилетие Российский индекс научного цитирования сделал большой шаг вперед, собрав огромный объем библиографических материалов и внедрив десятки метрик и опций. Следует особо отметить доступ к полнотекстовым публикациям и возможность их свободного и бесплатного скачивания благодаря платформе РИНЦ. И даже если какая-то конкретная научная работа недоступна для скачивания, простое знакомство с ее метаданными, которые размещает РИНЦ, бывает в высшей степени полезно. Кроме того, не менее позитивно можно оценить возможность использовать приводимую в РИНЦ информацию, касающуюся журналов (и вообще научных трудов), списков их номеров, оглавлений отдельных выпусков с перечнем статей и т. п. Но если начать анализировать авторские профили, сосредоточенные в РИНЦ, то тут возникает широчайшее поле для критики, о чем подробно сказано в основном тексте статьи. Без решения этой проблемы РИНЦ не может претендовать на звание полноценной библиометрической базы данных.

Ответственность РИНЦ за достоверность имеющихся в его распоряжении библиографических и наукометрических материалов значительно возросла после начала спецоперации на Украине в феврале 2022 г., когда западные ББД, поддавшись на русофобскую пропаганду, почти полностью свернули сотрудничество с российскими организациями. Вместе с тем фактически возникшее монопольное положение РИНЦ на рынке научных информационных услуг в сфере библиографии и наукометрии может сыграть отрицательную роль, поскольку у любой монополии при отсутствии здоровой конкуренции недостает стремления к существенному качественному совершенству. В связи с этим было бы правильно ввести хоть какую-нибудь форму государственного контроля над РИНЦ и его показателями, так как данные этой базы активно используются в официальной отчетности вузов и академических НИИ.

Для улучшения работы РИНЦ нужно установить четкие критерии отбора научных работ для индексации (параллельно удалив все ненаучные материалы) и предоставить возможность авторам самостоятельно размещать новые труды после соответствующей проверки. В отдельные каталоги должна перейти справочная, учебно-методическая и прочая литература, а также патенты, программы для ЭВМ и тому подобное вместе с их цитированиями, если РИНЦ так и не решится расстаться с этим информационным массивом. Опять же целесообразно индексировать отдельно монографии и статьи, вышедшие на русском языке, и их английские переводы, а равным образом и их цитирования. И надо что-то делать с дефективной традицией совокупной регистрации коллективных и персональных трудов в авторских профилях, что зачастую приводит к абберации библиометрической статистики, а порой порождает наукометрический паразитизм и цитатную коррупцию. Естественным выходом видится создание двух параллельных каталогов в авторских профилях с фиксацией, соответственно, личных и коллективных произведений.

Кроме того, РИНЦ следует наладить устойчивый и полный импорт упоминаний о всех публикациях отечественных ученых и ссылок на их работы из баз *Web of Science* и *Scopus*, а не делать это выборочно, как до сих пор это происходит. В этом плане более эффективным решением была бы ориентация на данные поисковой системы *Google Scholar*. Наконец, следует навести элементарный порядок в информационных материалах дополнительных метрик, исключив из них недостоверные, а то и просто нелепые сведения.

В заключение можно было бы порекомендовать провести детальное монографическое исследование РИНЦ — удивительно, но за 20 лет его существования этого так и не было сделано.

Литература

Агапкин Е.В., Печников А.А., Сухов А.М. Об одном подходе к определению индекса качества публикационной активности авторов и организаций // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Физико-математические науки. 2024. Т. 166. Кн. 4. С. 455–469. DOI: 10.26907/2541-7746.2024.4.455-469.

Анищенко В.С. Является ли индекс цитируемости в РИНЦ объективной оценкой научных достижений ученого // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2017. № 10. С. 10–15.

Арефьев П.Г., Еременко Г.О., Глухов В.А. Российский индекс научного цитирования — инструмент анализа науки // Библиосфера. 2012. № 5. С. 66–71.

Вибе И.Н., Шилов Д.Н. Научная электронная библиотека ELibrary как библиографический ресурс // Библиография и книговедение. 2021. № 3. С. 122–130.

Галеев И.Ш. Оценка полноты и интеллектуальности РИНЦ // Образовательные технологии и общество. 2014. № 3. С. 583–602.

Грановский Ю.В. Мой наукометрический «автопортрет» // Науковедческие исследования. 2015. № 2015. С. 139–152.

Гринёв А.В. Научные публикации и наукометрические показатели как объект нечистоплотного бизнеса // Вестник Российской Академии наук. 2018а. Т. 88. № 10. С. 908–917. DOI: 10.31857/S086958730002147-9.

Гринёв А.В. 150-летний юбилей продажи Аляски США на сайтах Интернета и страницах российской научной периодики // Вестник СПГУТД. 2018б. № 2. С. 162–173.

Гринёв А.В. Проблема использования наукометрических показателей при оценке публикационной активности в современной России // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 10. С. 993–1002. DOI: 10.31857/S0869-58738910993-1002.

Гринёв А.В. Российскому индексу научного цитирования 15 лет: опыт личного общения // Гуманитарные чтения в Политехническом университете. Ч. 2: Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: ПОЛИТЕХПРЕСС, 2020. С. 192–200.

Гринёв А.В. Тема Русской Америки на страницах юридической периодики // Историческая экспертиза. 2022. № 1. С. 256–285. DOI: 10.31754/2409-6105-2022-1-000.

Гринёв А.В. Русская Америка и ее проблемы на страницах трудов современных отечественных экономистов // Вестник С.-Петербург. ун-та. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 277–300. DOI: 10.21638/spbu02.2023.116.

Гринёв А.В. Академики-историки РАН в свете наукометрического анализа (к 300-летию Российской академии наук) // Историческая экспертиза. 2024. № 3. С. 9–28. DOI: 10.31754/2410-1419-2024-3-9-000.

Гуреев В.Н., Мазов Н.А., Ильичёв А.А. Карьерный рост ученых и публикационная этика // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 3. С. 270–278. DOI: 10.31857/S0869-5873893270-278.

Ерёменко Г.О. Во всем виноват РИНЦ? // Троицкий вариант — Наука. 2014. № 163. С. 7.

Ефимова Г.З. Соавторство или соло-авторство: соблюдение традиций или свободный выбор? // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 1. С. 130–148. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-130-148.

Иванов А.Б., Петров В.Г. Технологии увеличения индекса Хирша и развития имитационной науки // В защиту науки. Бюллетень № 17. М.: Тип. «Наука», 2016. С. 38–51.

Каленов Н.Е., Селюцкая О.В. Некоторые оценки качества Российского индекса научного цитирования на примере журнала «Информационные ресурсы России» // Информационные ресурсы России. 2010. № 6. С. 2–13.

Клемент Л., Мостерд М.Ч. О сложности оценивания научной деятельности // Проблемы управления в социальных системах. 2014. Т. 7. Вып. 10. С. 22–39.

Котляр П. Из списка РИНЦ исключены более 300 «мусорных» журналов // Газета.ru. 19 апреля 2017 г. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2017/04/19_a_10634891.shtml (дата обращения 01.02.2025).

Кузнецов А.В. Для начала надо навести порядок в существующей системе РИНЦ // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 3. С. 268–269.

Михайлов О.В. РИНЦ: первые 10 лет развития // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 1. С. 86–94.

Молчанова Н.В., Сканцев В.М., Спасенников В.В. Дискуссионные вопросы оценки эффективности научной деятельности с использованием индексов цитирования (обзор отечественных и зарубежных публикаций) // Эргодизайн. 2019. № 4. С. 186–195.

Полянин А.Д. Недостатки индексов цитируемости и Хирша и использование других наукометрических показателей // Математическое моделирование и численные методы. 2014. № 1. С. 131–144.

Регламент комплектования баз данных eLIBRARY.RU и РИНЦ (редакция от 12 апреля 2023 г.). М.: ООО «Научная электронная библиотека», 2023. 65 с.

Трубникова Е.И. Обмен дарами в академической среде: хищнические практики, ложные сигналы и конфликт интересов в программах превосходства // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 25–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48.

Тургель И.Д., Дербенева В.В., Новокионова З.В. Журналы, индексируемые в международных наукометрических базах: долгое эхо Проекта «5-100» // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 3. С. 253–287. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-253-278.

Фоминых К.С. Российский индекс цитирования и его роль в повышении эффективности деятельности научных кадров // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 2. С. 155–161.

Хантемиров П. РИНЦ: от примитивного мошенничества до растрепания малолетних // Троицкий вариант — Наука. 2014. № 163. С. 6.

Цветкова В.А., Мохначева Ю.В., Калашикова Г.В. Парадоксы библиометрических инструментов // Научные и технические библиотеки. 2018. № 8. С. 3–19. DOI: 10.33186/1027-3689-2018-8-3-19.

Bornmann L., Marewski J. Opium in Science and Society: Numbers and Other Quantifications // Scientometrics. 2024. Vol. 129. P. 5313–5346. DOI: 10.1007/s11192-024-05104-1.

Esparza L.J., Lee A., Rubio C. Influence of Cultural and Socioeconomic Factors on Scientific Production: a Statistical Analysis of the *H*-index // Scientometrics. 2024. Vol. 129. P. 2083–2099. DOI: 10.1007/s11192-024-04965-w.

Hirsch J.E. An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. Vol. 102. No. 46. P. 16569–16572. DOI: 10.1073/pnas.0507655102.

Jacob M., Kittl E., Kiesslich T. How Many Authors Are (Too) Many? A Retrospective, Descriptive Analysis of Authorship in Biomedical Publications // Scientometrics. 2024. Vol. 129. P. 1299–1328. DOI: 10.1007/s11192-024-04928-1.

Martín-Martín A., Orduna-Malea E., Thelwall M., López-Cózar E.D. Google Scholar, Web of Science, and Scopus: a Systematic Comparison of Citations in 252 Subject Categories // Journal of Informetrics. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 1160–1177. DOI: 10.1016/j.joi.2018.09.002.

Mazov N.A., Gureev V.N., Kalenov N.E. Some Assessments of the List of Journals in the Russian Science Citation Index // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 88. No. 2. P. 133–141. DOI: 10.1134/S1019331618020053.

Mikhailov O.V. Russian Science Citation Index // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2013. Vol. 83. No. 3. P. 292–296. DOI: 10.1134/S101933161303012X.

Moskaleva O., Pisyakov V., Sterligov I., Akoev M., Shabanova S. Russian Index of Science Citation: Overview and Review // Scientometrics. 2018. Vol. 116. No. 7. P. 449–462. DOI: 10.1007/s11192-018-2758-y.

20th Anniversary of the Russian Science Citation Index: Are There Reasons to Celebrate?

ANDREI V. GRINĖV

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: agrinev1960@mail.ru

The article presents a critical analysis of the activities of the Russian Science Citation Index (RSCI) in connection with its 20th anniversary. The article considers such issues as completing the RSCI with various bibliographic materials and taking into account the main scientometric indicators of domestic specialists, including the number of registered publications, the number of references and the values of the Hirsch index. In addition, the situation with additional metrics presented in the RSCI is analyzed, based on the use of author profile data. It is concluded that over the past twenty years, the RSCI has made a big step forward, having collected a huge array of bibliographic materials and introduced dozens of metrics and options. However, if we turn to it as a tool for measuring the publication dynamics of Russian scientists and organizations, then many complaints and criticisms arise. The article contains specific recommendations for overcoming the identified shortcomings, without which the RSCI cannot claim to be a full-fledged bibliometric database.

Keywords: bibliometric databases, *eLIBRARY.RU*, Russian Science Citation Index, scientometrics, scientometric indicators.

References

- Agapkin, E.V., Pechnikov, A.A., Sukhov, A.M. (2024). Ob odnom podkhode k opredeleniyu indeksa kachestva publikatsionnoy aktivnosti avtorov i organizatsiy [On one approach to determining the quality index of publication activity of authors and organizations], *Uchenyye zapiski Kazanskogo un-ta. Ser.: Fiziko-matematicheskiye nauki*, 166 (4), 455–469 (in Russian). DOI: 10.26907/2541-7746.2024.4.455-469.
- Anishchenko, V.S. (2017). Yavlyayetsya li indeks tsitiruyemosti v RINTS ob'yektivnoy otsenkoy nauchnykh dostizheniy uchenogo [Is the citation index in the RSCI an objective assessment of the scientific achievements of a scientist?], *Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly)*, no. 10, 10–15 (in Russian).
- Arefyev, P.G., Eremenko, G.O., Glukhov, V.A. (2012). Rossiyskiy indeks nauchnogo tsitirovaniya — instrument analiza nauki [Russian Science Citation Index — a tool for science analysis], *Bibliosfera*, no. 5, 66–71 (in Russian).
- Bornmann, L., Marezki, J. (2024). Opium in Science and Society: Numbers and Other Quantifications, *Scientometrics*, no. 129, 5313–5346. DOI: 10.1007/s11192-024-05104-1.
- Efimova, G.Z. (2022). Soavtorstvo ili solo-avtorstvo: soblyudeniye traditsiy ili svobodnyy vybor? [Co-authorship or sole authorship: tradition or freedom of choice?], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 13 (1), 130–148 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-130-148.
- Eremenko, G.O. (2014). Vo vsem vinovat RINTS? [Is RSCI to blame for everything?], *Troitskiy Variant — Nauka*, no. 163, p. 7 (in Russian).
- Esparza, L.J., Lee, A., Rubio, C. (2024). Influence of Cultural and Socioeconomic Factors on Scientific Production: a Statistical Analysis of the *H*-index, *Scientometrics*, vol. 129, 2083–2099. DOI: 10.1007/s11192-024-04965-w.
- Fominykh, K.S. (2015). Rossiyskiy indeks tsitirovaniya i yego rol' v povyshenii effektivnosti deyatel'nosti nauchnykh kadrov [Russian citation index and its role in increasing the efficiency of scientific personnel], *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*, no. 2, 155–161 (in Russian).
- Galeev, I.Sh. (2014). Otsenka polnoty i intellektual'nosti RINTS [Assessment of the completeness and intelligence of the RSCI], *Obrazovatel'nyye tekhnologii i obshchestvo*, no. 3, 583–602 (in Russian).
- Granovsky, Yu.V. (2015). Moy naukometricheskiy “avtoportret” [My scientometric “self-portrait”], *Naukovedcheskiye issledovaniya*, no. 2015, 139–152 (in Russian).
- Grinev, A.V. (2018a). Nauchnyye publikatsii i naukometricheskiye pokazateli kak ob'yekt nechistoplotnogo biznesa [Scientific publications and scientometric indicators as an object of dishonest business], *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 88 (10), 908–917 (in Russian). DOI: 10.31857/S086958730002147-9.
- Grinev, A.V. (2018b). 150-letniy yubiley prodazhi Alyaski SShA na saytakh Interneta i stranitsakh rossiyskoy nauchnoy periodiki [150th anniversary of the sale of Alaska to USA on the sites of Internet and pages of the Russian scientific periodics], *Vestnik SPGUTD*, no. 2, 162–173 (in Russian).
- Grinev, A.V. (2019). Problema ispol'zovaniya naukometricheskikh pokazateley pri otsenke publikatsionnoy aktivnosti v sovremennoy Rossii [The use of scientometric indicators to evaluate publishing activity in modern Russia], *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 89 (5), 451–459 (in Russian). DOI: 10.1134/S1019331619050046.
- Grinëv, A.V. (2020). Rossiyskomu indeksu nauchnogo tsitirovaniya 15 let: opyt lichnogo obshcheniya [The Russian Science Citation Index is 15 years old: personal communication experience], in *Gumanitarnyye chteniya v Politekhnichestkom universitete. Ch. 2: Sbornik trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Humanitarian readings at the Polytechnic University. Part 2: collection of papers of the All-Russian scientific and practical conference] (pp. 192–200), S.-Peterburg: POLITEKHPRESS (in Russian).

Grinëv, A.V. (2022). Tema Russkoy Ameriki na stranitsakh yuridicheskoy periodiki [The theme of Russian America on the pages of the legal journals], *Istoricheskaya ekspertiza*, no. 1, 256–285 (in Russian). DOI: 10.31754/2409-6105-2022-1-000.

Grinëv, A.V. (2023). Russkaya Amerika i yeye problemy na stranitsakh trudov sovremennykh otechestvennykh ekonomistov [Russian America and its problems in contemporary national works of economists], *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Istoriya*, 68 (1), 277–300 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu02.2023.116.

Grinëv, A.V. (2024). Akademiki-istoriki RAN v svete naukometricheskogo analiza (k 300-letiyu Rossiyskoy akademii nauk) [Academicians-historians of the Russian Academy of Sciences in the light of scientometric analysis (on the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences)], *Istoricheskaya ekspertiza*, no. 3, 9–28 (in Russian). DOI: 10.31754/2410-1419-2024-3-9-000.

Gureev, V.N., Mazov, N.A., Il'ichëv, A.A. (2019). Kar'yernyy rost uchennykh i publikatsionnaya etika [Career development of scientists and publication ethics], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 89 (3), 270–278 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869-5873893270-278.

Hirsch, J.E. (2005). An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 102 (46), 16569–16572. DOI: 10.1073/pnas.0507655102.

Ivanov, A.B., Petrov, V.G. (2016). Tekhnologii uvelicheniya indeksa Khirsha i razvitiya imitatsionnoy nauki [Technologies for increasing the H-index and developing simulation science], in *V zashchitu nauki. Byulleten' no. 17* [In defense of science. Bulletin No. 17] (pp. 38–51), Moskva: Nauka (in Russian).

Jacob, M., Kittl, E., Kiesslich, T. (2024). How Many Authors Are (Too) Many? A Retrospective, Descriptive Analysis of Authorship in Biomedical Publications, *Scientometrics*, no. 129, 1299–1328. DOI: 10.1007/s11192-024-04928-1.

Kalenov, N.E., Selyutskaya, O.V. (2010). Nekotoryye otsenki kachestva Rossiyskogo indeksa nauchnogo tsitirovaniya na primere zhurnala "Informatsionnyye resursy Rossii" [Some assessments of the quality of the Russian Science Citation Index using the journal "Information Resources of Russia" as an example], *Informatsionnyye resursy Rossii*, no. 6, 2–13 (in Russian).

Khantemirov, R. (2014). RINTs: ot primitivnogo moshennichestva do rastleniya maloletnikh [RSCI: from primitive fraud to corruption of minors], *Troitsky Variant — Nauka*, no. 163, p. 6 (in Russian).

Klement, L., Mosterd, M.C. (2014). O slozhnosti otsenivaniya nauchnoy deyatel'nosti [On the complexity of assessing scientific activity], *Problemy upravleniya v sotsial'nykh sistemakh*, 7 (10), 22–39 (in Russian).

Kotlyar, P. (2017). Iz spiska RINTs isklyucheny bolee 300 "musornykh" zhurnalov" [More than 300 "garbage" journals have been excluded from the RSCI list], in *Gazeta.ru*. April 19, Available at: https://www.gazeta.ru/science/2017/04/19_a_10634891.shtml (date accessed: 01.02.2025) (in Russian).

Kuznetsov, A.V. (2014). Dlya nachala nado navesti poryadok v sushchestvuyushchey sisteme RINTs [To begin with, it is necessary to bring order to the existing RSCI system], *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 84 (3), 268–269 (in Russian).

Martín-Martín, A., Orduna-Malea, E., Thelwall, M., López-Cózar, E.D. (2018). Google Scholar, Web of Science, and Scopus: A Systematic Comparison of Citations in 252 Subject Categories, *Journal of Informetrics*, 12 (4), 1160–1177. DOI: 10.1016/j.joi.2018.09.002.

Mazov, N.A., Gureev, V.N., Kalenov, N.E. (2018). Some Assessments of the List of Journals in the Russian Science Citation Index, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 88 (2), 133–141. DOI: 10.1134/S1019331618020053.

Mikhailov, O.V. (2013). Russian Science Citation Index, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 83 (3), 292–296. DOI: 10.1134/S101933161303012X.

Mikhailov, O.V. (2016). RINTs: pervyye 10 let razvitiya [RINTs: the first 10 years of development], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, 7 (1), 86–94 (in Russian).

Molchanova, N.V., Skantsev, V.M., Spasennikov, V.V. (2019). Diskussionnyye voprosy otsenki effektivnosti nauchnoy deyatel'nosti s ispol'zovaniyem indeksov tsitirovaniya (obzor otechestvennykh

i zarubezhnykh publikatsiy) [Controversial issues of assessing the effectiveness of scientific activity using citation indices (review of domestic and foreign publications)], *Ergodizayn*, no. 4, 186–195 (in Russian).

Moskaleva, O., Pislyakov, V., Sterligov, I., Akoev, M., Shabanova, S. (2018). Russian Index of Science Citation: Overview and Review, *Scientometrics*, 116 (70), 449–462. DOI: 10.1007/s11192-018-2758-y.

Polyanin, A.D. (2014). Nedostatki indeksov tsitiruyemosti i Khirsha. Indeksy maksimal'noy tsitiruyemosti [Disadvantages of citation indexes and Hirsch. Maximum citation indices], *Matematicheskoye modelirovaniye i chislennyye metody*, no. 1, 131–144 (in Russian).

Reglament (2023) komplektovaniya baz dannykh eLIBRARY.RU i RINTs (redaktsiya ot 12 aprelya 2023 g.) [Acquisition reglament of eLIBRARY.RU and RSCI databases (redaction of April 12, 2023)], Moskva: OOO “Nauchnaya elektronnyaya biblioteka” (in Russian).

Trubnikova, E.I. (2022). Obmen darami v akademicheskoy srede: khishchnicheskiye praktiki, lozhnyye signaly i konflikt interesov v programmakh prevoskhodstva [The exchange of gifts in the academic sphere: Predatory practices, false signals, and conflicts of interest in excellence programs], *Mir Rossii*, 31 (1) 25–48 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48.

Tsvetkova, V.A., Mokhnacheva, Yu.V., Kalashnikova, G.V. (2018). Paradoksy bibliometri-cheskikh instrumentov [Paradoxes of bibliometric instruments], *Nauchnyye i tekhnicheskiye biblioteki*, no. 8, 3–19 (in Russian). DOI: 10.33186/1027-3689-2018-8-3-19.

Turgel, I.D., Derbeneva, V.V., Novokshonova, Z.V. (2024). Zhurnaly, indeksiruyemyye v mezhdunarodnykh naukometricheskikh bazakh: dolgoye ekho Proyekta “5-100” [Journals indexed in international scientometric databases: a long echo of the Project “5-100”], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, 15 (3), 253–287 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-253-278.

Vibe, I.N., Shilov, D.N. (2021). Nauchnaya elektronnyaya biblioteka ELibrary kak bibliograficheskiy resurs [Scientific electronic library ELibrary as a bibliographic resource], *Bibliografiya i knigovedeniye*, no. 3, 122–130 (in Russian).